

Наталья ВОЗЖАЕВА

* * *

Назовут Марией — живи Марией,
Что бы там об этом ни говорили.
Как придет пора выпускать младенца —
Ты положишь в ясли большое сердце,
Что среди соломы и морд овечьих
Будет биться болью нечеловечьей.
Прикрывая рану под левой грудью,
Будешь ждать волхвов, но даров не будет,
А пойдут на боль твою пастухи,
Унесут в холщовых мешках стихи,
Те, что станешь петь, заслоня ясли,
И звезде гореть негасимо, ясно.
Назовут Марией — живи Марией —
Фитильком лампадным. Терпи. Гори им.

СВОЛОЧИ

Грозный город. Ливневая струнность.
В горной речке — красная вода.
Ты мне подарил седую юность,
Мне теперь и старость не беда.
На полу раздолбанной маршрутки
Места и двуногим-то впритык.
Погоди, водила, скину куртку.
У войны совсем не бабий лик.
Крошево от гусеничных траков,
Небо нашпиговано свинцом.
У войны лицо моей собаки.
Нет, не морда. Именно лицо.
Помнишь знойный зуд мушиных сонмиц?
Помнишь трупов бурые кули?
Ты же ни черта потом не вспомнишь,
Кроме пса, сидящего в пыли.
Я тогда еще умела плакать.
После сохлось все, как солончак.
Места не хватило для собаки.
Крови было мало сволочам.

Наталья Васильевна Возжаева родилась в г. Грозном в 1971 году. Окончила Ростовский государственный университет по специальности «Филолог, преподаватель русского языка и литературы». Публиковалась в журналах: «45-я параллель», «Тропы», «Родная Кубань», «Москва», «Краснодар литературный», «Филигрань», в сборниках и альманахах. Автор двух книг стихов. Лауреат первой степени конкурса «Русский Гофман» (2023). Живет в Новороссийске.

Ты, Господь, нас вел до Малгобека,
Дальше сами, дальше — на авось.
Живы. Но с глазами человека
В сгустке сердца поселился пес.
Жить, конечно, можно, только нечем.
Бог да совесть — тот еще балласт.
Ты поймешь, что мир бесчеловечен,
Предавая тех, кто не предаст.

СОСЕДКА ЖАРИТ ЛУК

В ночную целину вонзился месяц-плуг.
Июльский глянec стерт, и вывернут, и матов.
На старенькой плите соседка жарит лук,
А рядышком в тазу бульбеньятся томаты.
На летней кухне — ад. Соседки красный лик
В натруженной росе за занавеской тонкой.
На финишной прямой кромсает базилик,
Елозит второпях по вытертой клеенке
Садового стола, что так по-свойски прост,
Но самобрано-щедр, расштан и занозист.
Я тут незваный, но всегда желанный гость,
Несу соседке в дар малиновые слезы,
Набрякшие за день, несущее вино,
И мятный беспредел так ощутимо влажен.
Не шелохнется лист, сад замер перед сном,
Над зорькой, как чумной, кружит нетрезвый бражник.
Забудутся к чертям соцсети, гуглы, СМИ...
А звезды как цветы на огуречных попках.
Вокруг реальный мир, а в центре мира — мы,
И ползают жуки по незаметным тропкам.

* * *

В похмелье городок, неряшливая площадь,
И памятник сидит в помете голубей.
Напялив на себя, что потеплей и проще,
Иду гулять туда, где нет почти людей.
Остатки мишуры закручивает ветром —
Прокуренный вагон, ирония судьбы —
А я иду туда, где чайки в красных гетрах
На пляжных лежаках облезло-голубых.

Кто в Иерусалим, кому дорога в Мекку,
Я — к морю, о больном мне просто только с ним.
«Не страшно, — скажет мне
Мой бескорыстный лекарь, —
То камушек болит с отверстием сквозным.

То сердце-амулет, обкатанное горем,
Не ледяной голыш — живой Куриный Бог.
Закончишься — оно само вернется в море,
Найдет его дитя, повесит на шнурок».

ОГУРЦЫ

Старик мой добр, умен и очень горд,
Он рыбку золотую удивил,
Когда, достав ее из синих вод,
С улыбкой просто взял и отпустил.

Пришел домой и все мне рассказал,
Усмешку пряча в бороде седой.
Мурлыкал кот, мемекала коза,
Спешили куры в тень под лебедой.

А я ему: «Обед уже готов.
Вон каравай духмяно дышит, щи».
Турну с нагретой лавочки котов,
И фитилек у свечки затрещит —

Темнеет скоро. Сядем во дворе
И будем слушать, подпирая дом,
Как море, что синее всех морей,
Ворочается тихо перед сном.

Смоковница щедра, как никогда,
Тугие тыквы впитывают мед,
И мне щекочет щеку борода —
Старик мой нежен, хоть и очень горд.

«Смотри, какие нынче огурцы —
Один в один!» — скажу ему я вдруг.
А где-то в небо высятся дворцы
И старики кланут своих старух.

СЕДЬМОЕ

На высоте седьмого этажа
Кровать плыла, как белая баржа.
Обнявшись и по-детски ноги свесив,
Сидели двое в белом поднебесье.

Высокий берег, кладбище, маяк.
Анапский бриз завертывал края
Двухспального размаха одеяла.
Кровать плыла, но иногда взлетала.
А после снова медленно плыла,
Пока, в один закутавшись халат,
Делили яблоко, дразня голодных чаек,
Те двое, высоты не замечая.

Все было просторечно и легко,
А на земле, ну той, что далеко,
Найдется тот, кто непременно скажет:
«Кровать-баржа? Позвольте, надо «баржа».

ОДИНОКОВА

В служебное стучусь: мол, вот не спится.
Ответный взгляд оправданно-свинцов.
С натугой надевает проводница
Улыбку на помятое лицо.

Начальница десятого вагона,
Прислужница не спящих по ночам.
За чай несладкий с мясцем лимона
Я щедро-виновато дам «на чай».

Вздыхнет и пригласит присесть за столик.
Салфетки неожиданно свежи.
На поворотах все скрипит и стонет,
И подстаканник тихо дребезжит.

Три перед утром — рано или поздно?
Звенишь в стакане ложкой — горячо!
И по одной расстегивая звезды,
Ослабит ночь тугой воротничок.

Заложники у следований дальних,
Любой из вас заведомо прощен.
Нечаянно в купе-исповедальне
Расскажешь все и чуточку еще.

Ну да, мы все похожи на вокзалы,
И только единицы — на купе.
Запомнишь складку губ, и взгляд усталый,
И беджик «Одинокова В. П.».

* * *

Одни воюют за тьму, другие — за свет.
И тех и других собирает в котомку смерть.
В лесную (неважно где) зайдет полосу,
Пучком из травы почистит свою косу,
Достанет баклажку кваса и сала шмат,
Перетряхнув котомочки закрома.
И, сытая, ляжет навзничь, примяв ромашки.
В костлявой руке стебелек, а на нем — букашка.
Букашка ползет в пустые ее глазницы,
И смерть ухмыляется: надо же, не боится.

* * *

А что ты можешь, что? Гореть — и то не можешь,
Как влажная трава, коптишь в костре, коптишь.
По берегам реки в березовое ложе
Укладывал Господь спокойствие и тишь.

Раскрашивал Господь узорчатый наличник
Да вышивал цветы на скатертях из льна.
Все сыпал, сыпал дождь грибной и земляничный,
И вздрагивал июль от грома Ильина.

Умрешь от красоты почти невыносимой,
Успев подумать: жаль... как скоротечно... что ж...
Но солнце-Елисей дотронется незримо,
И ты, чихнув семь раз, задышишь, оживешь.

Гляди, запоминай, потом споешь, калика,
Застыв на корабле, на части носовой,
О церкви, о мостках, о тетке с земляникой,
И соль из глаз сладка от этого всего.

По берегам реки в березовое ложе
Укладывал Господь спокойствие и тишь,
И все, что ты сейчас, трава сырая, можешь —
Отмаливать любовь.
Всепетая, услышь.

* * *

Снегопад плывет на белом ялике.
В козью шаль обернута, кульком,
Я стою в зашитых, старых валенках
И ловлю снежинки языком.

Маленькая, толстая, щекастая.
Клюква со сгущенкой — не лицо.
Горе ты мое, ну где ты шастала!
Бьет ладонью мама пальтецо.

Озорной, смешливый, щеки алые.
Боже мой, не мальчик — снеговик!
Теплыми ладонями сбивала я
Затвердевший снег на половик.

Снегопад плывет на белом ялике
Где-то по-над Северским Донцом.
И стоит, и смотрит вверх, как маленький,
Младший лейтенант с моим лицом.